

Любопытно, что, несмотря на христианскую окраску этих сюжетных сегментов, в финале «Повести» мы встречаем все тот же — правда, ослабленный до улыбки — языческий смех, который сопровождал первый, «бесовский», тур перерождения Саввы: Богородица беседует с героем, «ослабився», беседует с ним так же, как до того разговаривал дьявол. Одинаковы сюжетные роли Богородицы и Беса, отсюда и общность приписываемых им атрибутов.

Итак, в сказочную систему отношений «Повести» вторгается типичная религиозная легенда.⁵⁸ Но вот что замечательно — легендарное начало ассимилируется сказочным. «Сказка обладает такой сопротивляемостью — указывает Пропп, — что о нее разбиваются другие формы: они не сливаются. Если же встреча все же происходит, то побеждает сказка. Из других литературных жанров сказка чаще всего впитывает былинку и легенду».⁵⁹ И действительно, явление Богородицы следует квалифицировать как новое, на сей раз последнее испытание Саввы. Богородица обещает ему избавление от беды при условии, что он станет иноком.

Выше говорилось, что третье, дополнительное, испытание в «Повести» отпало, но это нужно понимать только в том смысле, что его место заняло религиозное чудо, по своему строению, по организации своих элементов подобное сказочным испытаниям на идентификацию героя. Эту мысль можно сформулировать и по-другому: в заключительных сценах герой идентифицируется не как победитель «исполинов», но изолированно от предшествующих ходов повествования. В этом и состоит разница между легендарной концовкой и замещенным ею сказочным дополнительным испытанием.

Если в генетическом плане Бес — чудесный помощник, то в синхронии, в контексте данного произведения, поле действия этого персонажа расширяется: он обслуживает одновременно и функции помощника, и функции антагониста. После того как Савва прибывает в Москву (прибытие), Бес совершает акт вредительства — мешает иерею исповедать героя и тем самым излечить его от болезни. В сказочной структуре этому соответствует выделенная Проппом функция необоснованных притязаний лжегероя, т. е. функция вредительства (в парадигматике). Отсутствие лжегероя коррелирует с тем, что вредительство не носит конкретно-узурпаторского характера. Далее, в текстах волшебных сказок реализуются следующие функции: трудная задача, решение (задачи), узнавание (героя), наказание и свадьба. Если последняя функция из «Повести» изъята, то остальные мы способны восстановить без особых усилий. Трудной задачей тождественно требование Богородицы относительно принятия Саввой иночества. Это — так называемая конфессиональная замена. Пропп пишет, что «сюда относятся такие случаи, как ... замена трудной задачи... испытанием, носящим характер эпитимии».⁶⁰ Функции решения аналогична положительная реакция героя, соглашающегося пойти под духовный надзор. Затем Богородица идентифицирует Савву, удостоверяет истинность героя в церкви: «Егда бо начаша пети херувимскую песнь, и се внезапно бысть глас с небеси, яко гром велий возгреме: „Савво, востани! Что бо медлиши? И прииди в церковь мою, и здрав буди, и к тому не согрешай!“» (стр. 261). Фиктивный помощник и подлинный антагонист — Бес побежден (наказан), «богоотметное рукописание» «спаде от верху

⁵⁸ О структуре религиозной легенды XVII в. см.: Истоки русской беллетристики, стр. 503 и след. В религиозной легенде очень часто несчастье — «болезнь, когда в человеке „неприязненный дух житие себе сотвори“» (стр. 503).

⁵⁹ В. Я. Пропп. Трансформация волшебных сказок, стр. 82.

⁶⁰ Там же, стр. 81.